

Рождение Мастера

A detailed illustration of a futuristic, cyberpunk city street at night. The scene is dominated by tall, dark buildings with glowing windows and neon signs. The lighting is a mix of deep blues and purples, with warm orange and red highlights from streetlights and building interiors. A lone figure in a dark coat and hooded jacket stands in the center of the street, looking towards a bright light source in the distance. The overall atmosphere is mysterious and cinematic.

Лана Вьет

Лана Вьет

Рождение Мастера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70629211

SelfPub; 2024

Аннотация

Дорогие читатели, для вас несколько коротких рассказов в жанре городское фэнтези. С благодарностью ко всем, кто любит читать книги. Надеюсь, вам понравятся мои идеи. Приятного чтения!

Лана Вьет

Рождение Мастера

Вот оно.... Почти на вершине славы, по крайней мере там, откуда уже можно до нее дотянуться. Мечта осуществляется! Какое захватывающее чувство полета...

Пьер, а попросту Петя, не верил своим ушам. Эмоции переполняли.

– Добро пожаловать в команду, Пьетр, – услышал он голос Бога с горы Олимп.

Да-да, сам Шеф, с тремя мишленовскими звездами взял его на работу в свой ресторан. Это не просто какая то там стажировка, а настоящая работа рядом с величайшим мастером. Позади все эти собеседования, мотивационные письма, аттестации... Жизнь удалась. Не об этом ли Петр мечтал, когда ехал учиться во Францию, в знаменитую кулинарную школу!

Осталось только уладить некоторые формальности с документами и «Здравствуй, рай!»

По такому случаю родители подарили ему настоящий набор кухонных ножей, что является непременным атрибутом каждого уважающего себя повара. Петя разворачивал дорогой чехол и подолгу любовался сверкающими наточенными ножами разных размеров и фасонов, нежно поглаживая их.

Каждое утро, завидя издалека стильную вывеску и огром-

ные сверкающие окна ресторана, сердце Петра начинало трепетать. Он наполнялся гордостью, переступая порог изящных старинных дверей с разноцветной мозаикой. Первые дни Петя просто летал на крыльях, не смотря на жар, исходящий от многочисленных печей. Это была не просто кухня большого знаменитого Парижского ресторана, это был плацдарм каждодневного сотворения шедевров высокой кухни. И он непосредственно принимал в этом участие. После трудового дня непременно уборка рабочего места.

В тот вечер Петя немного задержался в раздевалке. Выйдя оттуда, он попал в мрачное пространство, куда почти не проникал свет. Чтобы не отвлекать работников, в помещении, по принципу казино, не было окон, кроме двух узких под потолком. Знакомая кухня показалась чем-то враждебным, словно недружелюбное существо гипнотизировало Петю своим взглядом перед тем, как его проглотить. Пришлось продвигаться на ощупь. Вот слева разделочная поверхность, справа духовые печи... Неожиданно Петя поскользнулся и, размахивая руками во все стороны, пытаясь ухватиться за что-либо, но не удержавшись, брякнулся на каменный пол всей тяжестью своего тела. Раздался оглушительный грохот, загремели кастрюли, поварешки, заработала на всю мощность вытяжка, послышался звон разбивающего стекла... Затем воцарилась оглушительная тишина. Петя очнулся, наверное, он потерял сознание... Потрогал ноющий затылок, вроде все в порядке, крови на пальцах не чувствовал. Рас-

смотреть ничего не удавалось, как ни старался. Но ощущение, что кто-то дышит ему в лицо, обдавая жаром, не проходило. Все конечности онемели. Неподвижность. Главное сохранять спокойствие.

– Шарльатан, – раздался скрипучий голос где-то издалека.

Снова обдало жаром. Затем волна озноба по всему телу. «Да что за хрень происходит!» – пронеслось в голове Пети.

– Я не шарлатан... – прошептал он еле слышно.

– Кто ты... – услышал он издевательский смешок где-то над ухом.

Словно это был не вопрос, а он сам, Петя заглядывал в себя, во внутреннюю темноту. Неужели что-то может быть темней этого сумеречного пространства кухни...

– Ты сам, – сказал голос.

– Что сам? – еле шевелил губами Петя, – ты кто, покажись.

Все кругом зашевелилось, пришло в движение, и все ближе и ближе обступало лежащего на полу. Петя зажмурил глаза.

– Шарльатан.... Шарльатан... – приглушенно звучал голос.

– Не шарлатан я.... – сказал, открывая глаза Петя, – я я для людей, я люблю готовить вкусную еду...

– Я, я.... Скажи еще, что диплом у тебя есть... – продолжал издеваться голос.

– Да, есть! Есть! – Пете казалось, что он орал во всю мочь, но вырвался только хрип, – Кто ты такой, чтоб судить меня?!

– Я здесь всегда был, это ты проник на мою территорию, – заявил голос.

– Так ты вроде Кухонного Монстра что ли? – попробовал пошутить Петя.

– Если хочешь... без меня ни одна звездочка Мишлена не коснется тебя своей звездной пылью.... – кто-то будто вбивал каждое слово гвоздями.

Петя схватился за голову, она гудела. Каждая клеточка тела ощущалась словно отдельный организм. Огромная черная тень Кухонного Монстра склонилась над Петей. Он смог различить широкую ленту накрест спускающуюся с плеча вниз, полы фрака и поварской колпак на голове. Но то место, где должно бы находиться лицо или морда, постоянно менялось, не фиксируясь ни на секунду. Скрипнула дверь, подул прохладой. Промелькнула мысль, а что если кто-то пришел к нему на помощь. Но Петя ошибся. Раздался оглушительный крик: «Ну, что ты возишься с этим щенком?» И огромное существо подскочило к Пете, придавив ему горло. Он услышал реквием в исполнении кухонной утвари. Но тут Кухонный Монстр, как назвал его Петя, почему-то встал на его защиту: «Не трожь его!» Цепкая хватка на горле ослабла и Петя смог глотнуть воздуха. Он закашлялся.

Кажется Кухонный Монстр вступил в схватку с чудищем, он летал от стенки к стенке, издавая душераздирающие крики. Силы были явно неравны. Петя попытался отползти в сторону. На голову упала огромная сковорода. Не отдавая

себе отчета, схватив ее в руки, Петя кинулся на чудовище, колошматя куда ни попадя. Откуда только взялись силы поднять огромную кастрюлю и насадить ее на голову этого злобного существа! Под руку попался половник, которым Петя стал тарабанить по кастрюле, пытаясь оглушить застрывшего в ней. Вдруг он снова оказался на полу, сраженный ударом. Оказывается Петя поймал в кастрюлю Кухонного монстра, а чудище, воспользовавшись этим, словно фокусник выхватил из пространства ножи и нацелил их на Петю, приставив к горлу.

– Ну, что сдаешься?! – зашипело, как поджаренное на сковороде, чудище.

– Никогда! – заорал Петя, – Никогда, слышишь?!

Этот устрашающий момент превратился в подобие фарса. Петя не смог сдержать улыбку, когда услышал как Кухонный Монстр, несется по направлению к ним, ударяясь об металлические шкафы и гремя насаженной на его голове кастрюлей...

Вдруг раздался щелчок рубильника и яркий свет окутал пространство кухни. На свое удивление, Петя легко поднялся и зажег две конфорки... Он с легкостью орудовал ножами, отдаваясь потоку творчества. Время остановило свой счет. Что это, как не нахлынувшее вдохновение, о котором многие только мечтают. Можно сказать озарение.словно пелена страха и неверия в себя внезапно спала.словно бабочка, широко взмахнув крыльями, вылетела из банки, в которой

была заточена. Петя слышал величественную кухонную симфонию, и как же он мог не расслышать ее раньше!

На следующий день Шеф, выяснив кому принадлежит рецепт нового блюда, с важным видом похлопал Петю по плечу, сказав что-то вроде: «Далеко пойдешь, мой друг!» А Петя подмигнул Кухонному Монстру, он чувствовал, что тот где-то рядом. В эту минуту загремела кастрюля, неожиданно упавшая с плиты. Повар, стоявший рядом, удивленно вытирает глаза, не мог понять как такое могло произойти. Он бросился вытирать разлитый на полу томатный соус. Только Петя догадался, что это Кухонный Монстр подал ему знак. Он стоял и улыбался от уха до уха. Все понимающе завидовали ему, ведь сам Шеф этуале, сам звездный Шеф, похвалил его.

– Пьер, ты куда пропал вчера?! – подскочил к нему Шарль, парень, с которым они работали рядом, – Я тебя ждал-ждал, кричал тебе «Шарль атан!»

– Ах вот оно что... – расплылся в улыбке Петя, – ты ждал...

– Бьян сюр, мон ами... Са ва туа? – спросил Шарль, не поняв почему Петя смеется.

– Са ва, са ва... Я в порядке, – ответил Петр, – в полном порядке.

Подслушанный разговор из другого измерения

– Дриль, давай сходим в гости, надоело дома сидеть!

– Подожди Барт, сходим, а сейчас спи...

– А давай переедем, надоело слушать их дурацкие разговоры.

– О чем?

– Ну, что нас не существует... Хоть бы не врали сами себе. Ведь бояться, но не признаются.

– Они хотят видеть только то, что хотят... вернее, они не могут видеть.

– Почему?

– Так устроены их органы чувств. Определенный диапазон, узкий очень, понимаешь? Они просто не могут нас видеть или слышать звуки на других частотах. У них свое измерение, а в другие им нет доступа.

– Да заметил. Я ему, ну этому длинному, передаю, что смотри, вот он я, тут перед тобой, смотри! Даже чашку с горячим чаем выбил у него из рук. Как он орал! Смешно... ну обжегся, конечно...

– Зачем ты хулиганишь?

– Да так ...забавно...

– Ладно, ты засыпаешь...

– Нет-нет, расскажи одну из своих историй.

– Хорошо. Слушай. Случилось это в дни моей молодости, лет шестьсот назад по их исчислению. Помню, выбрал я тогда для проживания номер гостиницы в большом городе. Уж и не помню как он назывался, впрочем, это совсем не важно... Молодой был, тоже как ты, похулиганить любил. Захаживал в гости к одной старушке, она вышивала цветными нитками. Понравилась мне ее иголочка, такая тоненькая, блестящая. Ну, я и забрал себе и воткнул в штору у себя в номере гостиницы. Кстати, старушка долго ворчала, искала свою иголочку. Все кресло обшарила, бедняга боялась, что она ей в попу воткнется. Ты спишь?

– Нет, слушаю...

– У меня там проходной двор был. То один поживет, то другой в этом гостиничном номере. Жильцы часто менялись. Но меня это даже забавляло. И вот однажды остановилась в моем номере одна звезда. Это они так называют тех, кому дают разрешение выступать на большой сцене, снимать клипы и влиять на умы других. Так вот, гастроли этой поп-звезды длились неделю. И всю неделю стоял такой визг под окнами, что устал даже я... Но не об этом. Если бы ты слышал, как она поет. Не то слово. Когда она распевалась, меня просто выкидывало в другое измерение, да потому что невозможно было это слушать. Но микшерские пульта и профессиональные звуковики делали свое дело, сам понимаешь... С ней работала целая команда. Продюсер и администратор, те так вообще постоянно торчали в номере. Сти-

лист, костюмер каждое утро на месте... Хотя поспать она любила, скажу честно. Ну это и понятно, заявится посреди ночи, а потом дрыхнет. Еле продерет глаза, какими-то таблетками забрасывается. Без них жить не могла. А как она лавировала между букетищами цветов, я не понимаю. Представь, ты живешь среди огромной клумбы. Вообще не жизнь это, я тебе скажу... Не знаю что у нее было с голосом, но зрение у нее было хорошее. Зоркая она была эта певичка. Увидела мою иголочку в шторе и выдернула! Отдала своей костюмерше, да с таким криком, чтоб та не разбрасывала иголки по всему номеру... Ох и досталось же бедняге! Ну, я разозлился, что она мою иголочку забрала. Решил устроить ей концерт, каких она не видывала! Услышав как она заснула, я прилег рядышком и надавил на нее. Она проснулась и хотела развернуться посмотреть кто это. А голову повернуть не может, я ведь держу цепко. Отпустил. Она соскочила с кровати, включила свет, ничего понять не может, ведь одна в номере... Поставила свои тапочки на маленьком каблуке носками в стороны почему-то и снова легла. Слышу вроде уснула, я беру тапки ставлю крестом один на другой и опять давлю на нее. Спит. Я трясую за плечо. Села на кровати, глаза протирает. Смотрит на свои тапки... Испугалась вижу. Ну, думаю, ладно, пожалел я ее... Долго она ворочалась, уснуть не могла. На следующее утро устроила скандал, орала на всех без разбору. Все списали на ее капризный звездный характер. Люди часто врут сами себе, ты знаешь. Характер у нее

не звездный, а звезданутый, если честно... Думаю все это понимали, но никто не мог сказать правду. Понимаешь, в их мире деньги это все... кому хотелось терять место в свите... А еще она в посте в их известной социальной сети написала, как ей иногда тяжело приходится и как ее не понимают. Но это только прибавило еще большей популярности, еще больше подписчиков и лайков. Это у них что-то вроде мерила популярности. Все стали писать комменты, которые ей зачитывали, чтобы потешить ее эго. Все эти комментарии сводились к одному, что она крутая, что она такая же как они, простая, искренняя и что они ее очень любят...

Дриль прислушался к Барту.

– Я не сплю. Продолжай. Это все? Ты никак ее не прочил?!

– Нет-нет, я старался. Я нагревал щипцы, которыми ей делали локоны... Я плевал во всякие баночки и кремы... Я переключал воду в душе... Я писал ей гадкие комменты... Но ничего не работало! Из-за этого страдали неповинные люди: стилист, визажист, работники гостиницы... А комменты под постами просто удалялись ее помощником. Тогда я пытался завалить их и писал много-много... но и в этом случае, все перевернули так, что хейтеры просто завидуют ее славе, богатству, красоте....

– Почему ты ухмыляешься?

– Да какая там красота! Вся переделанная... Нос, щеки, подбородок, это результат пластических операций. Губы пе-

рекачены. Волосы, ногти, ресницы, все нарощенное...искусственное. Вообще не хотел я, чтоб из-за меня страдали другие, и не дожидаясь конца гастролей, сам поменял свое местопребывание в этом измерении. Не выдержал.

– Я вот тоже думаю, может куда переехать, а?.. Тесно мне там. Надоела эта крохотная квартирка. Я уже присматривал новые места.... Выхожу на улицу, а люди с тряпочками на лицах ходят.... Ты, кстати, не знаешь что это?

– Ну вроде они боятся какого-то вируса.... им говорят он очень страшный, хотя по смертности он не более опасен, чем грипп.

– А они этого не понимают?

– Нет. Отучились думать. Привыкли, что за них это делают. Им так удобней... Боятся и болеют. Такие дела...

– А что это за вирус, с какого измерения?

– Да ни с какого, у него информационно-волновая природа.

– Не встречался с такими...

– Ты еще молод.

– Что-то много у них всяких страхов, не находишь?

– Ты прав. Много. Поэтому и управлять ими легко...

– Ага. Я вчера ночью скинул с полки в серванте несколько рюмок. Ой, какой переполох случился! Зажгли свет, забежали... Вот умора... А еще меня мамаша этого Длинного называет Ивашкой, представляешь?

– Мило...

– Находишь? Хм, Ивашка, ... успокаивает его, мол, не бойся, я, говорит, Ивашке поставлю блюдце с молочком и он успокоится. Ха! Совсем ополоумела. Это когда я молоко пил! Попробовал один разочек, думаю, что это она налила для меня, так чуть в их измерении не застрял навсегда...

– Ты осторожней. В их низких вибрациях легко завязнуть можно. Спи давай. Следующую историю расскажу тебе завтра.

– Как это завтра, это по их линейному времени, да?

– Конечно. У нас все происходит здесь и сейчас, но их уровень сознания не рассчитывает этого... Слушай, я продолжаю. Так ты уже заснул.... Ну спи, спи...

Хозяин подземки

Инга сидела раскачиваясь на стуле. Кот спал, развалившись на диване, иногда вздрагивая лапами, словно куда-то бежал. Девушка погрузилась в свои мысли и задремала. Очнувшись от щелчка, повернулась и увидела на мониторе компьютера вспыхнула надпись «Exit». «Чепуха какая-то», – подумала Инга, но повинувшись внутреннему чувству, накинув кофту, спустилась вниз на улицу.

Город накрыли сумерки. Недалеко от подъезда стояла

трансформаторная будка. Все стены неприметного прямоугольного строения кто-то недавно расписал граффити. Инга немного постояла у подъезда, потом подошла к будке, стараясь разглядеть недавно появившийся рисунок. Дверь была немного приоткрыта. Внутри что-то тихонько гудело. Вдруг девушка отшатнулась назад. Мелькнула чья-то тень и через секунду показался высокий парень с черной взлохмаченной шевелюрой. Инга уже собралась улепетывать, но услышала за спиной веселый смех. «Нет, маньяки так не смеются», подумала она и остановилась.

– Привет, – весело сказал незнакомец.

– Привет, – ответила Инга, – что ты тут делаешь?

– Я сталкер. А тебя я уже несколько раз видел, ты живешь в этом доме, – парень продолжал широко улыбаться.

– Какой еще сталкер? – не поняла Инга.

– Ты знаешь, что в тоннеле метро живет Хозяин Подземки? – дурачась, запугивающим голосом спросил парень.

– Кто? – хмыкнула Инга.

– Ну, он сам так себя назвал, – продолжал незнакомец.

– Ты что видел его? – Инга, конечно, не верила ему.

– Думаешь вру? Могу тебя провести. Хочешь? – предложил парень.

– Спрашиваешь! Конечно хочу, – пожившись, ответила Инга, поддерживая его игру.

– Тогда завтра к одиннадцати вечера приходи к нашей станции метро, – парень развернулся, собираясь уходить.

– А звать-то тебя как? – спохватилась Инга.

– Радик, можешь просто Рад или Сталкер, как больше нравится, – ответил парень.

В назначенном месте Инга была заранее. Ровно в одиннадцать, Радик вышел из стеклянных входных дверей метро и помахал ей рукой. Сначала они попили чаю в маленькой комнатухе для обслуживающего персонала, а проще для уборщиц.

– Одевай, – сказал он, достав из ящика синие штаны и куртку с желтой надписью «Метро» на спине.

– Не буду, – буркнула Инга.

– Дело твое, – ответил Рад спокойно, – тогда иди домой.

– Что?! – возмутилась Инга.

Она встала и стала натягивать широкие штаны на резинке прямо на джинсы. Куртка тоже легко налезла на свитер.

– Не переживай, во всех нарядах, душа моя, ты хороша, – засмеялся Рад, видя как она пытается увидеть себя в маленькое зеркальце, висящее на стене, – Пошли!

Выйдя из маленького помещения, они прошли несколько метров и остановились перед дверью с надписью «Вход воспрещен». Рад приложил какую-то карту и дверь открылась.

– Заходи, – скомандовал он.

Инга прошмыгнула внутрь, оказавшись в длинном коридоре с несколькими дверями. На некоторых вообще ничего не было написано, на других разные большие буквы с цифрами. Рад открыл одну дверь и они зашли внутрь. В комнате ока-

залась разная бытовая химия, ведра, швабры, тряпки, раковина и кран, расположенный очень низко над чем-то вроде поддона для душа.

– Держи, – Рад протянул Инге длинную швабру.

Она вопросительно посмотрела.

– Бери, говорю. Ты думаешь в качестве кого я тебя туда смогу провести? – спросил Рад.

Инга неохотно взяла швабру в руки. Тяжелая.

– А что тут полы моют вручную? – недоверчиво спросила она, глядя на швабру.

– Частично да, в помещениях. В зале сначала швабрами, затем машиной.

– Понятно, – улыбнулась Инга.

– Ты это, – сказал Рад, – подбери свои волосы как-то... и поменьше улыбайся, поняла?

– А что, на работу, как на праздник, – засмеялась Инга.

– Вот я о том, – Рад поднял указательный палец вверх, – скромнее, ты здесь моешь полы, а не...

– Да, ладно, не дрейфь, все я поняла, не подведу, – успокоила своего сталкера Инга.

Рад показал ей нижние проходы, длинные подземные коридоры, с ответвлениями, куда даже Рад не имел доступа. Некоторые проходы были закрыты решетчатыми воротами. Настоящее подземелье. Инга не знала который час. Наконец они вышли на платформу. Пассажиров уже не было. Метро закрылось. На часах над входом в тоннель время показало

час ночи. Инга сидела на скамейке. Странное ощущение находиться в этом месте одной в тишине, где обычно всегда много народу и поезда ходят каждые три минуты. Только Инга подумала это, как из тоннеля показался поезд, он медленно проследовал без остановки. Вагоны были пустые. Через какое-то время раздалось объявление: «Кабель отключен». Инга увидела, как Рад спешил к ней.

– Пошли, – скомандовал он.

Инга, не говоря ни слова, послушно пошла за ним. Они спустились по маленькой лестнице вниз, где пролегают рельсы и вошли в тоннель. Освещение в виде маленьких ламп помогало все рассмотреть. Да, собственно, рассматривать было нечего. По всему пути одно и то же, по двум сторонам по стенам тянулись бесчисленные провода, кабели. Вдруг Рад свернул вправо. Инга немного отстала, поэтому прибавила шагу. Она с удивлением обнаружила, что там есть проход. Шли они, наверное, минут десять. Вышли еще на один путь с рельсами и снова вошли в боковой рукав. Рад включил фонарик, потому что там совсем не было освещения. Инге стало не по себе. Может зря она согласилась на такое приключение. Все ей знаки какие-то мерещатся, подсказки. Сидела бы дома...

Рад направлял фонарик под ноги, чтобы не споткнуться. Иногда когда останавливался, переводил пучок света на стены и потолок. Вроде ничего необычного. Только проход был узкий и не высокий. И если бы не фонарик, то находиться в

крошечной тьме было бы не очень приятно.

– А что если твой фонарик... ну, батарейка сядет или сломаётся... – спросила Инга своего проводника.

– Не переживай, на этот случай у меня всегда запасной имеется. С рюкзаком я, конечно, сюда пройти не могу, заметят. Но вот карманы у меня большие. – успокоил Рад.

– Да я не переживаю, – пыталась храбриться Инга, – а ты дай его мне.

– Фонарик? Нет, лучше держаться вместе, ты держись за меня, если боишься, – ответил Рад.

– Не боюсь я! – огрызнулась Инга.

– Ну так пошли дальше, – сказал Рад.

По правде говоря, Инга ругала себя за то, что согласилась пойти сюда. Если бы чуть раньше, она могла побежать и вернуться назад по освещенному главному тоннелю. Там не потеряешься, все равно куда-нибудь выйдешь. А сейчас поздно отступать. Они продолжали продвигаться вперед. Инга не отводила глаз от пучка света под ногами. Ее мысли прервал жужжащий звук.

– Тише, стой, – прошептал Рад, – смотри вон туда.

Инга стала всматриваться вдаль.

– Ты где.. Рад... Рад, ты где? – шептала она, не видя его силуэта.

И тусклый свет фонаря был где-то далеко впереди. Мощный поток воздушной струи растрепал волосы девушки. «Вентилятор... Надо же как-то подавать сюда воздух...»

успокаивала себя Инга.

– Рад, не шути так, слышишь... – умоляюще сказала она.

Она в очередной раз пожалела, что ввязалась в эту авантюру. Как выйти отсюда. Вдалеке иногда мелькал тусклый свет, потом снова пропадал.

«Жжшшааах» раздалось в ухе девушки, затем такой же звук «Жжшшаааааххх» в другом. Инга схватилась руками за голову и сжалась. Темнота разговаривала с ней телепатически. Ей совсем не хотелось открыть глаза и увидеть что-то страшное.

– Не приходи сюда больше..... Иначе не выйдешь отсюда....

– Да... да.... не приду... обещаю... – еле шептала девушка.

– Ты знаешь кто я....

– Знаю, – ответила Инга.

– Не бойся темноты... Скрытого не существует....

Инга всунула голову в плечи.

– Это моя территория... И сталкеру своему передай, пусть не играет со мной, такие игры кончаются плохо... На этот раз я дам вам уйти....

Инга сползла по стенке, не смея пошевелиться.

– Ты что тут сидишь? – услышала она голос Рада, – зову ее, зову... Что с тобой?

Инга обхватила его руками и заплакала.

– Ну... прекрати, ты чего... – успокаивал ее парень, – ес-

ли ты не хочешь идти дальше, я понимаю... понимаю... Хочешь мы вернемся?

Инга замотала головой в знак согласия. Рад, держа девушку за руку, освещал дорогу фонариком.

Когда он вывел Ингу из метро через черный вход, уже начинался рассвет. Поливальные машины шли по дорогам, принося приятную прохладу летнего утра.

– Ты это... – сказала Инга, – не ходи туда больше... Он мне сам сказал, предупредил...

– Так ты Его видела?! – удивился Рад.

– Нет, побоялась открыть глаза, – призналась девушка, – не ходи вообще, ок?

– Ты переживаешь за меня? – удивился Рад, – а знаешь, мне приятно.

– Перестань, – наконец улыбнулась Инга, – эта ночь была долгой...

– Тебя проводить? – спросил Рад.

– Ты же знаешь, тут рядом совсем, – отказалась Инга.

– Ну, как скажешь... еще встретимся, я ведь граффити еще не закончил, – улыбнулся Рад.

Он смотрел как Инга перебежала через дорогу, обернулась и, улыбнувшись, помахала ему рукой.

Шаг в небеса

Бар стоял около окна, всматриваясь в вечерние сумерки. Привычная картина за окном размывалась стекающими по стеклу каплями осеннего дождя. Весенний дождь, он совсем другой. Летний дождь тоже особенный, он даже пахнет по другому. А зимний... зимний... люди не называют его дождем, они придумали ему другое имя – снег. Просто другое состояние воды. «Зачем придумывать столько лишних слов, – Бар ухмыльнулся своим мыслям, – можно говорить – зимний дождь...» Сквозь мокрую пелену вдали еле угадывался силуэт строительного крана. Стройка была заморожена уже полгода. Чуть правее тянулись высоковольтные провода. Район этот не был на хорошем счету у желающих приобрести жилье. Бар перевел взгляд на оконное стекло, несколько капелек слились в большую и скатились, увлекая за собой наблюдающего. «Как это, увидеть мир в капельке росы, – подумал Бар, – в каком-то далеком веке поэт написал, значит, увидел...»

Он взял гитару и стал перебирать струны, напевая что-то себе под нос. Слова вертелись на языке, но не хотели складываться в рифму. Бар встал, надел ветровку и вышел из квартиры. Проветриться. Возможно поймать вдохновение. Порыв ветра и капли, хлеставшие по лицу, заставили его вспомнить, что он забыл взять зонт. Возвращаться не хотелось.

Бар махнул рукой и продолжил идти по мокрому тротуару, не обращая внимания на лужи. Вспомнил как мать всегда говорила: «Не сахарный, не растаешь». Но капюшон от ветровки все же натянул. Шел быстрыми шагами и вскоре перешел на бег. Ноги словно сами передвигались без его участия. Бар заметил, что никогда не ходил по этому маршруту. «Почему люди используют одни и те же маршруты, имеют любимую кружку, стригутся всегда одинаково... Боязнь перемен? Цепляние за мнимую безопасность,? Привычка к определенному? Психологический фактор...» – мысли тоже бежали, скакали одна за другой. Бар, решив прекратить этот мысленный поток, резко остановился. Кажется удалось. Тишина. С неба падал поток воды. Бар, подставив лицо, закружился, расставив руки: «Ааааа!!!» Остановился. Голова кружится. Наверху тусклая лампа освещает кабину подъемного крана. Значит на заброшенной стройке. Никогда тут не был. Под ногами грязные разбитые стекла. Дождь хлещет по лицу. Темно. Осмотрелся. Надо бы возвращаться. Джинсы промокли насквозь. Развернулся и остолбенел, чуть не наткнулся на железный прут. Как раньше не заметил. «Так и без глаза остаться можно» – подумал Бар. «И что? – пришла мысль, – вы итак ничего не видите...» «Так, разговариваю сам с собой, понятно... надеюсь не шизофрения...» рассуждал Бар. «Нет, нет, куда тебе до раздвоения личности, ты сначала стань ей, Личностью». Бар стоял ошеломленный: «Хотел избавиться от всяких мыслей, лезущих в голову и вдох-

новиться... Вот, получи, как говорится, распишись. Ну что ж...»

– Вдохновение, говоришь?

– Я схожу с ума, да?

– Я б так не сказал...

– Я так думаю...

– Мало ли что вы думаете. Надумают чего-то, потом сбывается. Сами и расхлебывают.

– Ты о чем? Кто это говорит в моей голове?

– Нужно мне сидеть в твоей голове... Мне и тут хорошо.

– Да где тут?

– Тут на стройке. Думаешь я железяка и не умею мыслить...

– Я вообще не думал о тебе.

– Да понимаю. Думать не каждый умеет. А вот балаболить и гонять мыслишки...

– Странный разговор получается.

– Еще бы, ты же никогда не разговаривал с подъемными кранами. Эти вон тоже жужжат, слышишь, на подстанции, трещотки...

– Нет, не слышу.

– Не удивительно. Не видишь, не слышишь...

– Да хватит меня отчитывать! Это мне только кажется.

– Если только кажется, что ж ты разговариваешь со мной.

Иди отсюда.

– Только вот не надо мне говорить, что делать!

– Что ты, конечно, ты сам уйдешь.

– И уйду! Детский сад, честное слово...

– ...

– Что молчишь? Нечего ответить, да?

– Ты мне льстишь. Хочешь ответ услышать от железяки, ничего не смыслящей железяки.

– Хочу понять, к чему это приведет.

– Понять, понять.... Не понимать надо, а чувствовать, ощущать. И какое тебе должно быть дело до того, что скажут другие?

– Да вообще никакого.

– Не ври себе. Сочиняешь для чего? Чтобы услышали, что ты хочешь сказать людям, чтоб оценили, наконец...

– Наверное да.

– А себе самому хочешь что-нибудь сказать? Говори людям то, что хочешь сказать себе самому.

– Говорить с другими, как с самим собой, получается?

– Что-то вроде того. И мысли научись выбирать сам. Постоянный процесс творения: строишь каркас из мысли, потом она материализуется. Но не сразу. Хрупкий каркас должен превратиться в арматуру. Ты сам вкладываешь энергию в это. Вон смотри, рельсы на которых я стою, видишь?

Бар старался разглядеть рельсы со шпалами и куда они проложены.

– Вот, куда ты лезешь. Какая разница что там дальше. Ты тут смотри, что сейчас думаешь, то и будет потом, понима-

ешь, как это все хитро устроено. Не беспокойся что там. И под ноги не смотри.

– Как-то странно мне, что ты ...

– А ты не думай. Просто посмотри на меня. И сделай хотя бы один шаг в небеса. У тебя получится...

Бар поднял голову, прищурил глаза. Освещение на подъемном кране показалось мерцающей звездочкой. Со строительной площадки городские силуэты показались живыми. Многоэтажки, в окнах которых то зажигался, то гас свет, смахивали на огромных великанов. «Интересно что это за здание, напоминающее гильотину. Не замечал раньше. А может почудилось... Не знаю кто ты, друг или враг, но я благодарю тебя...», – думал Бар. Город вздохнул. Вон там в той высоте живет его любовь, вернее жила... Ветер усилился. Бару хотелось, чтобы с этим ветром улетели все его печали и боль. Хотелось вздохнуть полной грудью. Захотелось обнять весь мир. Крикнуть людям, как он их любит.... Глупо.... Злоба, застрявшая глубоко внутри, сжалась в комочек и ошетибилась. Затем тихо растаяла. Покой. Безмыслие. Ти-ши-на... И в этой тишине Бар услышал музыку. Она струилась отовсюду, она была продолжением дорог, она просачивалась сквозь здания, она окутывала автостоянки, она срывалась с крыш домов, она взмывала в небеса... Над городом поднялась перламутровая дымка. Очертания зданий смягчились и стали пластичными. Город показывал себя с разных сторон, в разных измерениях и временах. Ближился рассвет. Начали ожи-

вать, словно городские вены, проспекты и маленькие улочки...

Добравшись до дома, едва скинув мокрую ветровку, Бар схватил карандаш и стал записывать слова будущей песни. Это был разговор с собой.